

*

Я раздвинул шторы, открыл окно,
я смотрел на твой город с верхушки башни;
там в подъезде любом, как в гробу, темно,
и любая газета выходит вчерашней.

Там, где ты ходила — трава стоит,
одуванчик горький и едкий лютик,
в твоём доме уютные свили свои
ипотечные гнёзда другие люди.

Ты ни в нём, ни за ним не была моей.
Ни тоска, ни горечь, ни ностальгия,
ничего из этого — ей же ей!..
Времена другие — слова другие.

Эта дурь пока не сошла с меня:
в голове опилки нельзя запудрить.
Я бы все стихи на тебя сменял,
на хлопчатые руки, льняные кудри...

Но когда пришедшая вдруг зима
все дворы и проезды собой заполнит,
кто из нас настолько сойдет с ума,
чтоб сверхновой вспыхнуть в январский полдень?..

...и лежащая на земле вода
не растает вдруг и ручьем не ахнет.
Я хотел бы с тобою уйти туда,
где апрель озоном и дымом пахнет.

Вот апрель настал, и снега сошли,
чёрный грач порхает над чёрной пашней...
Не с того мы с тобою ума сошли —
я смотрел на твой город с верхушки башни...

Борис ПЕЙГИН

*

Координатную сетку на мне
ты чертишь рукою, а я забываю.
Воспоминая по гладкой спине
бегут, грохоча как пустые трамваи,

мимо седых параллелей лет,
по звонким рельсам меридианов
от неслучившихся в прошлом бед
до несбывавшихся в будущем планов.

Я — Тропик Рака, пустой пунктир
на старой и очень неточной карте,
натянутый между миров-квартир,
и топливо в баке, и ключ на старте,

и не настанет иного дня,
пока не исчертится эта дорога.
Езжай и не бойся. Держась меня,
достигнешь и берега, и порога.

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
и в силуэтах труб, и в оголовках шахт.

Так пахнет торфяной охряно-ржавый виски,
так ёкает в груди, когда объявлен шах,

так зреют за столом пустые разговоры,
так падают огни с седьмого этажа,
так запоздалый гость не прокрадётся вором,
и так свербит в ногах, что просятся бежать;

так радугой блестит засвеченная плёнка,
так в небе городском нет ни одной звезды,
в дымах далёкой ГРЭС, под облачной клеёнкой,
так время мчится вскачь, как Сивка без узды.

Четырнадцать часов прошли почти навывлет —
я не сошёл с ума, и с рельсов не сошёл.
Настанет новый день, и виски будет вылит.
Прости меня за то, в чём не был я смешон.

Я знал твои черты в домах конструктивистских,
в пыли обочин трасс и в смоге городов,
в чужих путях домой, неясных и неблизких,
во всём, на что смотрел, во всём, на что готов.

...с утра заладил дождь, и стартер неисправен,
похмелье из ружья стреляет по вискам.
Я знал тебя во всём, чему я не был равен,
и в том, что вдруг нашёл, хотя и не искал.

*

Ветер сегодня играет на струнных,
на проводах зажимает лады.
Будет прохладно, промозгло, простудно —
с неба напало много воды.

В камерном городе звонкие крыши,
тесные улицы, битый асфальт.
Ливень звучит на октаву повыше —
дискант трамваев, троллейбусов альт.

Снег истлевает на склоне Обруба,
в топком овраге дымятся дома.

Плачут ещё водосточные трубы —
коду свою исполняет зима.

*

Под Собачьим островом в омуте спит водяной,
пузырится-дышит в цветущей воде хмельной,
у причалов мелькомбината с удилиц наживку ест,
осетра в три пуда съедает в один присест.

На Собачьем острове густо цветёт полынь,
тонет в протоке пустой предрассветная стынь,
над кривым фарватером тощей, булыжной Томи
выбирается красный якорь, июлем сырым томим.

...ржавые баржи по деку в полой воде стоят,
водяного три года назад пришиб ковшом земснаряд,
у причалов мелькомбината, как прежде, сидят рыбаки,
и, как прежде, с крючков уходят в мутную воду мальки.

LF

На руках твоих зажигается термомод,
и сияют звёзды на кончиках тонких пальцев.
В их приливном захвате кто могут сгореть — сгорят,
оставляя в спектральных линиях чёрный кальций.

На щеках твоих рдеют факельные поля,
в волосах твоих вздымаются протуберанцы;
я легко бы себя обменял на один лишь взгляд
всесжигающих карих глаз, не дающих шанса.

Оказавшись ближе, я тоже в тебе сгорел,
гравитацией тотчас разорванный на нуклоны,
а затем проход в кротовой найдя норе,
возвращался назад, в раскаленное это лоно

бесконечное, точно время, множество раз...
И однажды не мог не проспать горизонт событий,
и остался в ядре, в этом пекле горючих фраз,
и оттуда, конечно, никак невозможно выйти.

**Отпусти меня — и я возвращусь назад
(на масштабах таких в случайность верить не стоит) —
и втянусь в небытие — нирвану, шеол или ад
этой чёрной дыры, что тоже была звездой.**

*

На бельевой верёвке ветер былое треплет,
в стылые прошлые ночи дует, как в паруса.
Март, выходя на подмости, не произносит реплик;
на календарных листьях выпадет, как роса.

Через стекло двойное небо кажется скользким;
солнце идёт на запад через косо́й горизонт.
В этих воспоминаньях нету ни капли пользы:
самый знакомый запах запретней закрытых зон.

Но может быть только может — ветер его подхватит
и понесёт вдоль дороги, шлифуя спины камней,
лысые кроны тревожа, по перемёзлым гатям
порывом швырнёт через реку — и принесёт ко мне.

*

Из головы убежала мысль:
Щекочет венцы деревянного дома, срывает обноски, одежды, оковы, с разбега бросается в
тишь ночную и плещется в небе промозгло-синем.
К чему будут, право, замки и засовы, как если они не спасут от взлома, и если бес в ребро
неминуем, зачем с бороды нужно стряхивать иней?

Следуя мысли, можно протиснуться в замочную скважину с током воздуха, можно увидеть
любое запретное, любое закрытое, тайное, темное, можно, вцепившись в волос, повиснуть
там, не зная покоя, не зная роздыха, слушать желаемое, слышать заветное, пусть даже и
будет оно нескромное.

Мысли неведомо пыльное прошлое, мысль не знает статуса памяти; назло геоморам и
демиургам с невозмутимостью андской ламы, скажу: а что будет в том хорошего, что время
способно за маской из камеди вцарапать не хуже иного хирурга на белые груди белесые
шрамы?

...в глуши замшелой июньской ночи, туманом размыта, луна мерцает, а там, вдали, солнце
спит на окошке, во сне чьи-то волосы нервно глядя. А впрочем...

Но время не знает «впрочем», да и пространство его не знает, и тени, тише крадущейся кошки,
взлетают с заросшей болотной глади.